

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ АЛЕКСЕЯ ЛОСЕВА О НИКОЛАЕ КУЗАНСКОМ И ЕГО ТРАКТАТЕ «DE LI NON ALIUD»

1. Статья А.Лосева о Н.Кузанском

В 20-е годы А. Лосев разработал свою концепцию диалектики. Исходя из древнегреческой философии, особенно Платона, он стремился к соединению диалектических форм, развитых в истории античной мысли. В этом контексте Лосев стал интересоваться творчеством Николая Кузанского, которого, как он писал в 1924 году, особенно ценил. Его «симпатии» к немецкому кардиналу зависели, как и к «неоплатонизму» или «раннему Фихте», «именно от страсти к чистой логике, к обнаженной виртуозности мысли»¹. Лосев считал Кузанца отчасти своим предшественником, потому что он создал синтетическую диалектику, схожую с его позицией².

Он посвятил ему «немалое сочинение»³ под названием «Николай Кузанский и средневековая диалектика». Но этот труд, наверное, погиб. В 1930 году, когда рукопись была отправлена в Тверскую типографию, Лосева арестовали. С тех пор книга считается утраченной.⁴ Но остались некоторые материалы, связанные с этой работой. Недавно опубликовали одну неоконченную статью⁵, являющуюся, вероятно, выдержкой из книги о Кузанском, т.е. она была написана до 1930 г.⁶ Но в издании 2003 г. исследователи – и вслед за ними болгарский ученый Г.Каприев – датируют ее серединой 30-х годов. В то время Лосев вновь занимался Кузанским, перевел несколько его трактатов и подготовил комментарии к ним. Тогда же он обратился, среди прочих, и к сочинению „De non aliud“. Но Лосев изучал этот трактат еще в конце 20-х годов и

¹ См. выдержки из предисловия Лосева к «Истории эстетических учений» (16 декабря 1934 г.), приведенные в статье Е.А. Тахо-Годи: «О восприятии Николая Кузанского А.Ф.Лосевым: новые архивные материалы к теме». // *Verbum*: Выпуск 9: Наследие Николая Кузанского и традиции европейского философствования: Альманах / Под ред. О.Э. Душина. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 261–281. С. 263. Современные исследователи Кузанского также отмечают, особенно в его позднем творчестве, «высоту абстракции»: Cusanus „verfaßte in hohem Alter eine Reihe von Schriften, die selbst innerhalb seiner streng abstrakten, spekulativen Denkart einen Höhepunkt der Abstraktion bezeichnen“ (E. Wyller: “Nicolaus Cusanus” ‘De non aliud’ und Platons Dialog ‘Parmenides’. Ein Beitrag zur Beleuchtung des Renaissanceplatonismus.” In: Ders.: *Henologische Perspektiven I/II: Platon – Johannes – Cusanus*. Amsterdam: Rodopi 1995, S. 489).

² Исследование рецепции Кузанского Лосевым началось совсем недавно: В 2004 и 2005 году вышли статьи С.В. Яковлева («“Античный космос“ А.Ф. Лосева и учение о максимуме Николая Кузанского» // *Лосевские чтения*. Материалы ежегодной научно-теоретической конференции, посвященной памяти А.Ф. Лосева. Южно-Российский государственный технический университет. Новочеркасск, 2004. С. 18-23.; «Философия Николая Кузанского в оценке А.Ф. Лосева (по материалам „Эстетики Возрождения“») // *Философия и будущее цивилизации*. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005 г.). Т.2. М., 2005. С. 743-744.) и Г.Каприева (на немецком языке: „Ein bewundernswürdiger historischer Brennpunkt. Die Rezeption des Nikolaus von Kues bei Aleksej Losev.“ In: Reinhardt, Klaus und Schwaetzer, Harald (Hgg.): *Cusanus-Rezeption in der Philosophie des 20. Jahrhunderts (Philosophie interdisziplinär*. В.13). Regensburg, 2005. S.191-209.). В них обсуждаются прежде всего вышеназванный труд Лосева, глава о Кузанском в его работе о ренессансе (1978г.) и статья о Кузанском в Большой Советской энциклопедии (3 изд. [1969-1978]. М., 1974. Т. 18). В сборнике „Cusanus als Europäer“ (в печати, выходит 2008г., под ред. Harald Schwaetzer и др.) будет опубликован переработанный для немецкого читателя вариант данной статьи (Henriette Stahl: „Das ‚Eine‘ oder ‚Nichts Anderes‘? Aleksej Losevs Deutung des Cusanischen ‚non aliud‘“), в приложении приведены выдержки из введения Лосева «Исторический контекст трактата Николая Кузанского “О неинном”» в моем переводе. Статья Лосева будет опубликован в 2008 или 2009 году вместе с другими новыми архивными материалами.

³ Лосев, А.Ф.: «История эстетических учений» // Лосев, А.Ф.: «Форма. Стиль. Выражение.» М., 1995. С. 331. См. также Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...») 262.

⁴ См. подробнее у Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...») 261 и сл.

⁵ В 2003 году опубликована незавершенная работа Лосева о Кузанском («Николай Кузанский и антично-средневековая диалектика» // «А.Ф. Лосев – философ и писатель.» Ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий, М. 2003, 326–345).

⁶ «Можно выдвинуть гипотезу, что сохранившийся в лосевском личном архиве отрывок, посвященный Кузанскому и антично-средневековой диалектике, проанализированный Г. Каприевым и представляющий фрагмент вступления к какой-то неизвестной нам работе 20-х гг., есть не что иное, как отдельные страницы погибшей в 1930 г. книги „Николай Кузанский и средневековая диалектика“, которая, судя по следственному делу Лосева, была незадолго до его ареста отдана в печать в типографию, находившуюся в Твери». (Е. Тахо-Годи, «О восприятии Николая Кузанского...», 261 и сл.).

написал статью в качестве вступления к нему. Труд носит заглавие «Исторический контекст трактата Николая Кузанского „О неинном“» (в дальнейшем: ИК). Перевод 1929-го года и введение Лосева чудом сохранились: в 1995г. эти работы, конфискованные при его аресте, вернули в его архив. Сходства между этими двумя статьями – некоторые абзацы, касающиеся места, занимаемого Кузанским в истории диалектики, даже идентичны – позволяют отнести и первую статью к концу 20-х годов. Их близость указывает на то, что обе работы входят в материалы пропавшей книги.

Перевод „De non aliud“ 1929-го года и связанная с ним статья, которая в более или менее завершённом виде дошла до нас (некоторые текстологические вопросы остаются открытыми), представляют особый интерес. Переводы работ Кузанского, предпринятые Лосевым в 30-е годы⁷, могли увидеть свет только в форме, жестко искаженной цензурой. Комментарии самого Лосева были или вовсе вычеркнуты или основательно сокращены и переработаны.⁸ Подлинники не сохранились. Неопубликованный перевод 1929-го года и вступительная статья, напротив, остались без изменений, чем дают возможность ознакомиться непосредственно с истолкованием Кузанского Лосевым, который тогда еще не делал в своих публикациях уступок господствующей идеологии большевизма. В «Предисловии» он даже начал небезопасную полемику с эйфорически поклоняющимися «диалектике» коммунистами, иронично обличая их в незнании истории философии: «Но кто не умеет отделять диалектику от мифологии, тому нечего читать не только Николая Кузанского, но и самого Гегеля» (ИК).⁹

В «Предисловии» Лосев указывает на то, что трактат переведен не им, а его знакомой Н.Ю. Фиолетовой. Но сам философ основательно поправил ее работу и тщательно подыскивал выражения, соответствующие «субтильной терминологии»¹⁰ Кузанца: «Несмотря на старательность, проявленную Н.Ю. Фиолетовой, мне пришлось вносить массу исправлений и всяческих замечаний, так что в прежнем виде не оставалась буквально ни одна фраза» (ИК). Учитывая эту кардинальную переработку текста, кажется, Лосев в 1934 году «определяет свою роль иначе и говорит о переводе Кузанского как о своем собственном»¹¹.

Лосев характеризовал „De non aliud“ как «самый головоломный трактат, открывающий, однако, перспективу на всю новую философию»¹². Во вступительной статье «Исторический контекст трактата Николая Кузанского „О Неинном“» Лосев пытается установить место, принадлежащее этому сочинению в развитии диалектической мысли, и показать, что Кузанец

⁷ Перевод «О Неинном» сделан по книге И. Убингера (Johannes Uebinger: «Die Gotteslehre des Nikolaus Cusanus», Münster und Paderborn, 1888) и «вышел в 1937 г. в сборнике избранных сочинений Кузанца, куда, помимо перевода „Об ученом незнании“, сделанном С.А. Лопашовым, были помещены еще два лосевских перевода трактатов Кузанского „Об уме“ (по тексту, подготовленному Э. Кассирером и включенному в его книгу „Индивид и космос в философии Ренессанса“, напечатанную в 1927 г., – лосевский перевод теперь входит в русское переиздание этой книги Э. Кассирера) и „О бытии-возможности“ (по изданию сочинений Кузанского 1565 г.)» (Е. Тахо-Годи, «О восприятии Николая Кузанского...», 272).

⁸ О драматической, безуспешной борьбе с цензурой свидетельствуют письма Лосева, приведенные Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...», 273-278).

⁹ Ср. также в начале статьи: «К сожалению, дальше Гегеля, в глубь истории философии, почти никто не идет из тех, которые ухватились за диалектику на основании прочтения о ней из двадцатых рук. Тут можно только пожалеть, что диалектика в настоящее время так распространена. Быть распространенной в подлинном смысле она, конечно, никогда не может, как и всякое трудное и тонкое знание. Популярность диалектики сводится к популярности лишь самого названия „диалектика“. Глубокий и тонкий метод диалектики требует огромной школы ума. Стать диалектиком это все равно, что стать пианистом. Для того и для другого требуются, прежде всего, пустые и формальные гаммы и этюды, разыгрываемые в течение многих лет. Эту гимнастику ума нельзя прочесть в книгах, даже у самого Гегеля. Диалектику вообще нельзя „прочитать“» (ИК).

¹⁰ Лосев в письме в редакцию (№ 2), см. Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...», 276). См. там же, с. 277 (письмо № 3): «Его терминология почти непередаваема, тут приходилось создавать заново длинный ряд русских терминов.»

¹¹ Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...», 267).

¹² Лосев, А.Ф.: «История эстетических учений» // Лосев, А.Ф.: «Форма. Стиль. Выражение.» М., 1995, 331. См. также Е. Тахо-Годи («О восприятии Николая Кузанского...», 262). Под «новой философией» он разумел, в частности, немецкий идеализм и (нео-)кантианство: «Наиболее актуальный интерес представил бы трактат „De non-aliud“, в котором заострена традиция антично-средневековой диалектики и который дает перспективу на немецкий идеализм и кантианство.» («План издания классиков по диалектике из античной и средневековой философии», см. Е. Тахо-Годи, «О восприятии Николая Кузанского...», 269).

синтезирует ее главные формы. В качестве подтверждения он приводит свой анализ понятия «неиноного» у кардинала.

Работа Лосева и Фиолетовой является, по всей вероятности, первым переводом этого труда кардинала,¹³ а статья Лосева – одним из первых исследований об этом трактате. Убингер, на книгу которого он ссылается, нашел рукопись трактата, преданного забвению со времен А. Дюрера, в 1888г. в Мюнхенской государственной библиотеке, опубликовал ее и посвятил ей первые исследования.¹⁴ В старых изданиях, среди которых собрания сочинений, составленные еще самим Кузанским, этой работы нет, даже рукописные копии не были известны. Нюрнбергский гуманист Хартман Шедель сделал себе 6-го апреля 1496г. копию с подлинника или с другой копии, информации о которых не имеется. Эта нюрнбергская копия, которая сначала оказала некоторое влияние на тогдашнее искусство (особенно на Дюрера)¹⁵, впоследствии была забыта. На протяжении почти 100 лет после ее открытия в Мюнхене эту копию считали единственным сохранившимся источником сочинения «О неинном».¹⁶ Но в 1983 году Трирский ученый профессор Клаус Рейнхард нашел в Капитулярной библиотеке в Толедо (Испания) еще одну копию трактата, которая появилась там, по-видимому, из Рима. Она содержит некоторые разночтения с упомянутой версией.¹⁷ На основе имеющихся двух копий в Институте исследований Кузанского при теологическом факультете Трирского университета теперь готовится новое, критически сверенное издание латинского текста вместе с переводами на разные языки.¹⁸

„De non aliud“ является одним из пока сравнительно малоизученных произведений Кузанца, хотя значение трактата бесспорно велико.¹⁹ На фоне истории исследований, посвященных этому сочинению, истолкование, предлагаемое Лосевым, оказывается своеобразным и очень интересным. Он был, наверное, первым, считавшим кардинала диалектиком и видевшим в „De non aliud“ блестящий пример диалектического метода, вписывающийся в платоническую традицию.²⁰ Хотя позже и появились другие работы, в которых обсуждаются признаки диалектики в мысли

¹³ См. самого Лосева: «ТРАКТАТЫ, даваемые мною, НЕ ПЕРЕВЕДЕНЫ НИ НА ОДИН ЯЗЫК.» См. Е. Тахо-Годи, письмо No. 3 («О восприятии Николая Кузанского...», 277). Немецкий ученый К. Рейнхард считает работу Лосева/Фиолетовой первым переводом трактата, см. его „Überlieferung des Textes“ в новом Трирском издании „De li non aliud“ (в печати).

¹⁴ Johannes Uebinger: Die Gotteslehre des Nicolaus Cusanus. Münster und Paderborn 1888. Другие издания: Nikolaus von Kues: Vom Nichtanderen (De li non aliud). Übersetzt und mit Einführung und Anmerkungen herausgegeben von Paul Wilpert, Hamburg 1952, zweite Auflage: 1976, ed. K. Bormann; dritte Auflage 1987. Nikolaus von Kues: Philosophisch-Theologische Schriften. Herausgegeben von Leo Gabriel. Übersetzt und kommentiert von Dietlind und Wilhelm Dupré. Band II (Wien 1966), S. 443-565 (введение с. XXII-XXVI). Nicholas of Cusa on God as Not-other. A Translation and an Appraisal of De li non aliud by Jasper Hopkins. Third edition. Minneapolis 1987 (2nd printing, 1999; first edition 1979).

¹⁵ См. статьи Елены Филиппи (Elena Filippi: „Im Zeichen des Timaios: Cusanus, Alberti, Dürer“; „Quasi pictor, qui diversos temperat colores, ut habeat sui ipsius imaginem. Zu Cusanus und Dürer“; in: Cusanus als Europäer, в печати, выходит 2008г., под ред. Harald Schwaetzer и др.).

¹⁶ Данная информация об истории копий „De li non aliud“ базируется на введении в (второй) немецкий перевод (Paul Wilpert: Einführung. In: Nikolaus von Kues, Vom Nichtanderen (De li non aliud), übersetzt und mit Einführung und Anmerkungen herausgegeben von Paul Wilpert. Hamburg: Felix Meiner Verlag 1976, S. XVII-XVIII) и на неопубликованных материалах к новому латинско-немецкому изданию Трирского Института исследований Кузанского (2008г.). См. также примечание 18.

¹⁷ Эта копия была в частной библиотеке Римского кардинала Франциско Ксафер Целада (Kardinal Francisco Xavier Zelada, 1717-1801), который перевез ее в Толедо, чтобы ее спасти от войск Наполеона. См. Klaus Reinhardt: Eine bisher unbekannte Handschrift mit Werken des Nikolaus von Kues in der Kapitelsbibliothek von Toledo. In: MFCG (=Mitteilungen und Forschungsbeiträge der Cusanus-Gesellschaft) 17 (1986), 96-133, и, кроме того, его же статью „Überlieferung des Textes“ в новом Трирском издании „De li non aliud“ (в печати).

¹⁸ В 2008г. выйдет одно издание в Буенос Айрес (Аргентиния) вместе с новым испанским переводом, другое в Германии с новым немецким переводом. Планируется также русское издание нового латинского текста, вместе с – критически проверенным – переводом Лосева на 2008 или 2009 г.

¹⁹ См., например: C.L. Miller: „Reading Cusanus. Metaphor and Dialectic in an Conjectural Universe“. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press 2003 (там: „Not Other Than Divine: De li non aliud (1461)“, S. 180-205); E. Wyller: „Nicolaus Cusanus' 'De non aliud' und Platons Dialog 'Parmenides'. Ein Beitrag zur Beleuchtung des Renaissanceplatonismus.“ Und: „Zum Begriff 'non aliud' bei Cusanus.“ In: Ders.: „Henologische Perspektiven I/II: Platon – Johannes – Cusanus.“ Amsterdam: Rodopi 1995, S. 489-509; 511-542; D. Pätzold: „Einheit und Andersheit: Die Bedeutung kategorialer Neubildungen in der Philosophie des Nicolaus Cusanus.“ Köln: Pahl-Rugenstein 1981; G. Schneider: „Gott, das Nichtandere.“ Münster: Aschendorff 1970.

²⁰ «... что и Николай Кузанский и в частности его трактат “О неинном” есть одно из самых блестящих произведений именно диалектики» (ИК).

Кузанского, исследователи обычно не расценивают его как диалектика в собственном смысле.²¹ Об этом можно говорить не без оснований, в крайнем случае, только о первой книге его знаменитой „De docta ignorantia“, но не о последующем или даже позднем творчестве, к которому надо причислить „De non aliud“²². В мысли Кузанского современные западные исследователи отмечают «конъектуральность» и «перспективность», способность свободной творческой «имагинации» и символизации, даже «диалогичный принцип»²³, т.е. признаки, или вовсе не совместимые с диалектическим процессом или придающие диалектике совсем другой смысл.²⁴

Очевидный контраст между концепцией «не иного» у Кузанского и ее диалектическим истолкованием, предпринятым Лосевым под сильным влиянием его же философии, позволяет ярко выделиться не только особенностям идеей Кузанского, но и позиции русского мыслителя. Лосев «реплатонизирует» Кузанского именно в том пункте, где кардинал выходит за пределы античной и средневековой традиций. Интерпретацию трактата Лосевым можно считать скрытым полемическим диалогом, направленным против главной идеи, защищаемой немецким мыслителем.

2. „De non aliud“ в интерпретации А.Лосева

2.1. «Единое» или «не иное»?

Лосев считает «О неинном»²⁵, как он перевел „De li non aliud“, «замечательным произведением во всей истории диалектического метода» (ИК), начало которой он видит в

---

²¹ Исключение представляет собой новая история «Философии в Италии» Гофманна, позиция которого близка к интерпретации Кузанского Лосевым (Thomas Sören Hoffmann: „Philosophie in Italien. Eine Einführung in 20 Porträts“. Wiesbaden 2007, S. 40): „(...) sein hoch entwickeltes dialektisches Denken läßt sich in eine Traditionslinie stellen, die über Proklos (5. Jahrhundert), Porphyrios (3. Jahrhundert) und Plotin (204/5-270) bis auf Platons dialektisches Meisterwerk *Parmenides* zurückreicht.“

²² Трактат „De li non aliud“ написан в начале 1462 в Риме (см. подробнее: Wilpert, Einführung, S. XIX). Виллер характеризует эту работу как «диалектику понятий» („Begriffsdialektik“) и видит также, как и Лосев, в «не ином» совпадение противоположностей, Wyller, „Nicolaus Cusanus“...“ 511, 507, но он не разделяет позицию Лосева, который считает понятие «не иного» результатом диалектического процесса, см. точнее цитаты Виллера в примечаниях 31 и 38.

²³ Ср., например, Inigo Bocken: „Die Wahrheit des Dialogs. Die Bedeutung des cusanischen Denkens für Martin Bubers Entwurf einer Dialog-Philosophie“, in: Cusanus-Rezeption in der Philosophie des 20. Jahrhunderts. Herausgegeben von Klaus Reinhardt und Harald Schwaetzer. Regensburg: S.Roderer-Verlag, 2005, 9-31. Об «имагинации» и познании в символах у Кузанского см. Harald Schwaetzer: Die methodische Begründung der Cusanischen Symbolphilosophie. Zum systematischen Verhältnis von *imaginatio* und *visio*. In: Intellectus und Imaginatio. Aspekte geistiger und sinnlicher Erkenntnis bei Nicolaus Cusanus. Herausgegeben von João Maria André, Gerhard Krieger, Harald Schwaetzer. Amsterdam/Philadelphia 2006, 83-95.

²⁴ Ученых, подчеркивающих диалектическую установку Кузанского, совсем немного. У них диалектика приобретает некоторый иной смысл: Она указывает на открытое и подвижное мышление кардинала, которое при помощи противоречий, с одной стороны, приближается к бесконечности и, с другой стороны, показывает целостную связанность всего во всем. Его мышление не следует линейности, сознательно отталкиваясь от дискурсивности, и не стремится к выше положенному результату или синтезу: „The dialectical dimension“ of Cusanus is „the attempt not to think in merely linear terms codified so brilliantly for discursive reason in Aristotle’s logic, but to think beyond them, or better, to put them together with what lies beyond.“ „Thinking about any part of the whole means a dialectical holding together of opposed and related terms. This dialectical thinking is not one that moves to resolution or that sublates other and earlier moments of the dialectic in some ultimate synthesis. Rather, it is a dialectic that holds parts together simultaneously within a whole, a dialectic that has to be constantly sustained to do justice to difference-in-likeness. This kind of thinking moves back and forth in the attempt to join alternative perspectives and to keep *relata* connected.“ (C.L. Miller, „Reading Cusanus...“, 254). Хопкинс описывает на материале трактата «О видении Бога» („De visione Dei“) «диалектический мистицизм» Кузанца также как круговое, целостное, а не как линейное мышление, которое „is proleptic more of Kierkegaard than of Hegel“: „... Nicholas advances considerations that cohere with his overall viewpoint in *De visione Dei*, but these considerations do not connect into a chain in which each link of reasoning is presumed to depend necessarily upon preceding links.“ (Jasper Hopkins: Nicholas of Cusa’s dialectical mysticism. Text, translation, and interpretative study of *De visione dei*. Second edition. Minneapolis: The Arthur J- Banning Press 1988, 43).

²⁵ Заглавие „De li non aliud“ спорно, так как Нюрнбергская копия носит название „Directio speculantis“ («Руководство ищущим»), тема, которая также фигурирует в тексте и связывается с его *методом*. Копия в Толедо имеет еще другое название („Eiusdem de non aliud ac etiam de diffinitione omnia diffinienti“), которое относится к главному понятию («неинное» как самоопределяющееся определение). А сам Кузанец в другом сочинении („De venatione sapientiae“) ссылается на эту работу под заглавием „De li non aliud“, указывающим на ее главную *тему* (ср. об этом подробнее: Wilpert, Einführung, S. XVIII-XIX). Форма „De non aliud“ перекликается с другими названиями, типичными для Кузанского: „De principio“, „De aequalitate“, „De visione Dei“ и т.д., так что можно спокойно придерживаться названия „De li non aliud“.

философии Платона.²⁶ По его мнению, еще до Гегеля существует богатая история диалектических форм, которые, согласно полемическому замечанию Лосева, намного интереснее, чем диалектика самого немецкого идеалиста. В своей статье Лосев выдвинул тезис, что в этом сочинении сливаются антично-средневековая традиция, под которой он подразумевает платонизм, неоплатонизм и ареопагитскую мистику, с ново-европейской диалектической философией, коренящейся в аристотелизме и схоластике. Влияние первого течения проявляется в содержании трактата, а сходство с последним – в отвлеченной логике. Кузанский дает диалектике, присутствующей большей частью имплицитно еще у Платона и других древнегреческих мыслителей, выразиться и во внешней форме. Согласно Лосеву, в высокоразвитой логике трактата просвечивается родственность Кузанца с немецким идеализмом и даже с неокантианством. Вбирая в себя черты предыдущих видов диалектики и предвосхищая аспекты ее будущих этапов, философия кардинала занимает ключевую позицию в развитии диалектической мысли.²⁷

Лосев хотел в своей философии, изложенной в знаменитом «восьмикнижии» 20-х годов, соединить как и главные типы диалектики, так и логику с онтологией. Излагая «античный космос» в понятийной форме, он пытался реконструировать «эйдос» или эйдетическую систему мировоззрения античности и выявить диалектику, имплицитно данную у древнегреческих мыслителей. Кузанец в то время заинтересовал Лосева потому, что он думал найти в творчестве кардинала образец подобного синтеза древних и новых форм диалектики. Можно предположить, что он считал Мозельского философа своим предшественником в истории диалектической мысли.

В дальнейшем мы покажем, что Лосев применяет свой диалектический метод, основанный, прежде всего на философии Платона, Прокла, Дионисия Ареопагита и самого Кузанского, в анализе трактата «О неинном», приводящем его и к выше изложенному тезису.

Оба мыслителя стремились к одной цели: обоснованию единства бытия и знания, при чем начало бытия представлено «единым», а принцип знания – «не иным». Однако их пути начинаются с противоположных концов: Лосев выбрал путь онтологии, который идет от бытия к знанию, и поэтому он сводит «неинное» к «единому». Кузанский, наоборот, пришел путем гносеологии к утверждению, что бытие коренится в знании, и, следовательно, он заменяет «единое» «не иным». Лосев остался обязан платоническому дуализму, следуя которому абсолютное заключается в трансцендентности, принципиально недоступной познанию. Кузанский же полагал трансцендентность в имманентности, так что непостигаемость становится относительной: «непостижимо постигается непостижимое»²⁸. Он установил монизм, который, исходя из платонической – и ареопагитской – концепции, существенно изменяет ее, приближаясь к аристотелическому течению. Эта модификация вписывается в общую мысль ренессанса и ведет к переоценке человека, который в качестве «образа божия» может на пути саморазвития упразднить границы познания. Кузанский обосновывает этот монизм христологически. Он не только соединяет платоническую и аристотелевскую традиции, но и придает философии существенно христианский характер.²⁹

Именно на эту особенность трактата Лосев не обращает внимания и даже затемняет ее своим истолкованием. Здесь уместен вопрос, почему христологическая основа трактата остается вне рамок рассмотрения у Лосева, который сам был глубоко связан с православной традицией.

---

²⁶ Сам Гегель указал на то, что диалектика началась с философии Платона, особенно с его «Парменида»; см. Klaus Düsing: „Formen der Dialektik bei Plato und Hegel.“ In: „Hegel und die antike Dialektik.“ Herausgegeben von Manfred Riedel. Frankfurt am Main 1990, 169.

²⁷ Позиция Кузанского на «рубеже» средневековья и Нового времени и его родственность с послекантиантской философией, особенно с Немецким идеализмом (Шеллинг), считается сегодня общим местом: „A convenient way to regard Nicholas of Cusa is to locate him in the history of thought as a transitional figure whose ideas both echo medieval themes and anticipate later ideas.“ (C.L. Miller, „Reading Cusanus...“, 1).

²⁸ См. «Простец о мудрости. Книга первая», н. 7 („Idiota de sapientia” I, n. 7: “attingitur inattingibile inattingibiliter”); по изданию: Николай Кузанский: Сочинения, Том 1 (М. 1979), 364.

²⁹ См. о христианском характере философии у Кузанского, например: Schwaetzer, Harald: „Aequalitas. Erkenntnistheoretische und soziale Implikationen eines christologischen Begriffs bei Nikolaus von Kues. Eine Studie zu seiner Schrift *De aequalitate*.“ Hildesheim/ Zürich/ New York: Georg Olms Verlag, 2000, zweite, durchgesehene Auflage: 2004.

2.2. Типология диалектики у Лосева

В начале статьи Лосев развивает типологию диалектических методов, объединяя античную, точнее платоническую, неоплатоническую и средневековую ареопагитскую традиции в одном течении и аристотелевские, схоластические и новоевропейские концепции в другом. Главное различие обоих течений Лосев описывает геометрическими образами *круга* и *линии*: платонизм понимает бытие в виде совершенного, идеального, самодовлеющего построения, которому соответствует диалектика взлета и падения, круговращение бытия, а новоевропейская традиция представляет себе бытие в форме вечного становления и развития, ведущего из ничего к совершенству, т.е. считает бытие эволюцией или «нарастанием» «все большей и большей цельности» (ИК). Для диалектики первого рода цельность изначально дана и поэтому не может ничего получать от инобытия. Только само инобытие способно к развитию. Согласно другой традиции, наоборот, цельность создается только в результате эволюции инобытия. Это основное различие выражается в трех главных признаках:

1. в новоевропейской традиции диалектика обращается к истории и социальной жизни, которые в антично-средневековой мысли остаются вне рамок рассмотрения.
2. в аристотелевском течении вопрос о «едином» второстепен, тогда как в платонических концепциях «единое» является исходным пунктом.
3. в аристотелизме категории располагаются по линии, а в платонизме – в форме круга, в середине которого находится главное понятие, т.е. «единое».

На фоне этой характеристики, Лосев определяет «О неинном» Кузанского как соединение обоих главных типов диалектической мысли. По отношению к своему содержанию трактат родственен с антично-средневековой традицией потому, что

1. Кузанский не обращает внимания на исторические и социальные темы.
2. «корнем неиноного» является, по мнению Лосева, «единое» Платона, это центральное понятие обосновывает единство знания и бытия.
3. все остальные понятия построены вокруг «неиноного» и зависят непосредственно от него.

Но с точки зрения формы, в трактате обнаруживается «огромная сила отвлеченной логики» (ИК). Сам ход мысли продолжает философские методы схоластики и напоминает будущую философию после Канта. Согласно новоевропейской схеме мышления, понятия располагаются по линии и их смысл расширяется постепенно.

Итак, Лосев находит в трактате соединение двух противоположных диалектических традиций: с точки зрения содержания, «О неинном» входит в русло платонизма (круг), а в отношении к мыслительным формам – аристотелизма и новоевропейской философии (линия). Он пытается доказать это положение при помощи анализа главного понятия «неинное» и рассматривает знаменитое «определение», данное в виде суждения „non aliud est non aliud quam non aliud“.

2.3. Лосевский анализ «неиноного»

Решающий момент интерпретации Лосева состоит в том, что, по его мнению, «неинное» Кузанского представляет собой только название одного аспекта, уже Платоном имплицитно приписанного «единому». У древнегреческого мыслителя «единое» предшествует всему и стоит «выше всякого бытия и познания» (ИК)³⁰. Оно выводит из себя «иное», но не становится им, оставаясь «сверхсущим». Таким образом, можно различить два рода «единого». Первое есть «абсолютно единое» само по себе, не связанное с инаковостью, а другое – «прицип появления инобытия» (ИК). Это начало Кузанец, как считает Лосев, подразумевал под названием «неиноного». Соответственно, «неинное» является одновременно и ничем и тем, благодаря чему существует все. Кузанский только дал новое имя «моменту силы» (ИК) или направленности «единого» на «иное»,

³⁰ «Единое (или Одно), если оно есть только Единое и больше ничего, уже не есть что-нибудь в отдельности, ни смысл, ни идея, ни разум, ни число, ни мысль. Оно — совершенно *выше всякого бытия и познания*. Это с последней отчетливостью изложено в 20-й главе „Парменида“ (137с—142b)» (ИК). Норвежский ученый Виллер утверждает, что Кузанский является первым мыслителем ренессанса, который занимался „Парменидом“ и на просьбу которого состоялся первый перевод этого диалога на латинский язык еще за лет 10 (1450/51г.) до написания самого трактата «О не иноном»; см. Wyller, „Henologische Perspektiven“, 490.

причем первостепенность самого «единого» не ставилась им под вопрос. Лосев подтверждает этот тезис путем анализа «определения неиноного», проведенного в начале трактата Кузанского. Указав на то, что кардинал здесь применяет форму суждения для уяснения смысла «неиноного», Лосев раскрывает диалектику, заключенную в самой формуле. Но русский философ не замечает особенность, которой отличается определение у Кузанца.

Николай пытается открыть «самоопределяющее определение», т.е. принцип определения, который лежит в основе самой формы суждения, и показывает, что этим началом является «не иное», т.е. смысл «не иного», взятого в качестве формального принципа. Поэтому нельзя заменить содержание суждения, которое у Кузанского представляет собой тройкий повтор «не иного», другим элементом. Лосев, однако, делает именно это без всяких объяснений, опираясь на предпосылку, что «неиноное» исходит из «единого». Вместо кажущейся тавтологии «неиноного» у него выступает логический «заместитель» «А»: «“А есть А“, или точнее „А есть не что иное, как именно А“» (ИК)³¹. В XV главе сам Кузанский тоже употребляет «А», но оно здесь имеет совершенно другой смысл, нежели у Лосева. У кардинала «А» эксплицитно заменяет «не иное», а не «единое», так как и «единое» – имеется ввиду сверхсущее (*supersubstantiale unum*) – «есть *не иное, чем единое*»³², т.е. сам принцип сравнения «не иное чем» даже предшествует определению «единого». Итак, «не иное» занимает место сверхсущего «единого», потому что «единое» не может быть «единым» без «не иного», значит, «не иное» прежде и выше «единого», как и конкретного, так и сверхсущего.

Лосев, наоборот, ставит «не иное» в зависимость от «единого». У него «А» заменяет конкретное (т.е. второе) «единое», которое определяется при помощи «силы» первого (сверхсущего) «единого», т.е. «неиноного», которое содержится в самой форме суждения. Чтобы определиться, «А» должно отрицать самого себя (I негация): «Если я высказываю какое-нибудь самое примитивное суждение об А, то ясно, что для этого я уже должен выйти *за пределы* этого А, к такому предмету, который является инобытием в отношении данного А» (ИК). В отличие от самого Кузанского русский мыслитель, таким образом, подчиняет принцип сравнения «не иное чем» «единому», потому что где ничего нет, не может быть и «неиноного»:

A ———> [- A]

A (единое) есть иное

Чтобы при этом акте негации не потерять самого «А», надо одновременно утвердить его: «я должен *вновь оттолкнуться от этого инобытия*. Перейдя в инобытие, то есть в отрицание А, я должен теперь *отрицать самое отрицание*» (ИК) (II негация).

A ———> - [- A]

A (единое) есть не что иное

Но «я должен знать *направление*, в котором я буду отталкиваться от инобытия» (ИК) при помощи двойного отрицания. На это направление указывает союз «как», обращающий внимание назад на «А»:

A ———> - [- A] = A

A (единое) есть не что иное как именно А

³¹ Виллер, напротив, подчеркивает различие между «предложением тождества» «А есть А» и формулой «не иного» Кузанского, ср.: „Der volle Begriff *non aliud* bedeutet nicht Identität, und zwar weder im Sinne von Gleichheit der formalen Logik, noch im Sinne der doppelten Negation der hegelschen Dialektik, noch im Sinne der Selbigkeit oder des Ereignisses des heideggerschen Seinsdenkens“ (Wyller, „Henologische Perspektiven“, 521).

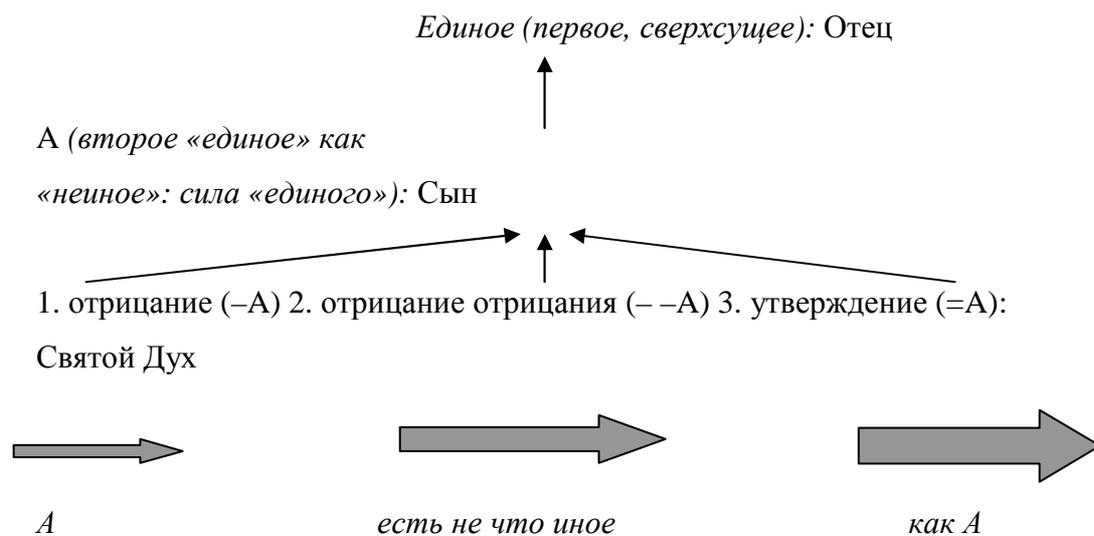
³² „FERDINANDUS: Quia licet ipsum unum propinque ad ipsum non-aliud accedat, adhuc tamen fatetur ante unum esse supersubstantiale unum; et hoc utique est unum ante ipsum unum, quod est unum. Et hoc tu quidem ipsum non-aliud vides. NICOLAUS: Optime cepisti! Unde si A foret significatum de li non-aliud, tunc A id, de quo loquitur, foret. Si autem, ut ait, unum est ante finem et infinitatem omnem terminans infinitatem, ad omnia simul pertingens et ab omnibus incomprehensibile manens uniusque et omnis multitudinis definitivum: utique A ipsum unum definiens ipsum unum sane, quod est aliud, antecedit. Nam cum unum sit non aliud quam unum, tunc A subtracto unum desineret. FERDINANDUS: Recte! Nam cum dicat quomodo unum, quod supra unum est, ipsum, quod unum est, determinat, hoc utique unum supra unum prius dixit 'unum ante unum'. Determinat igitur A unum et omnia, cum, ut dicit, ipsum unum omnis unius et multitudinis sit definitivum.“ (Cap. 15, 73).

«Негация негации» утверждает «А» и отделяет его от инобытия. Таким образом, суждение раскрывает в себе «полное и абсолютно неразличимое тождество» утверждения и отрицания, «не будучи ни тем, ни другим в отдельности», но оно «не есть» «также и *объединение* того и другого» (ИК). «Это дает возможность понимать основной принцип суждения как *нечто единое*, которое в своей максимальной насыщенности есть *некая сила*³³ одновременного утверждения и отрицания» (курсив – мой). «Это и будет то, что Николай Кузанский называет „не-иное“» (ИК), т.е. «сила» или форма суждения, раскрывающая «А» или «единое» как таковое, есть «неиное», так что можно различить три уровня:

- 1.) сверхсущее единое («А», которое хочет определиться),
- 2.) его сила (форма суждения, «неиное»),
- 3.) конкретное единое, т.е. определенное «А».

Значит, «неиное» основывается на «едином», еще не раскрытом, т.е. трансцендентном, «силой» которого является «неиное». При помощи силы «неиноного» «единое», само по себе остающееся трансцендентным, может проявляться в «трехчленной формуле» как определенное «единое», «А». Сверхсущее или первое «единое», которое выше «неиноного», – это есть «Бог»: «Поскольку Бог мыслится как абсолютный принцип и первооснова всякого бытия и знания, Он должен быть первопринципом и всякого суждения» (ИК).

Этот «абсолютный принцип» выше «неиноного», проявляющегося в качестве «единого и даже единичного принцип а» (ИК) суждения, а сами члены формулы ниже них, так что можно различить три иерархических уровня, каждый из которых зависит от выше расположенного. Все члены формулы указывают на «единое» через «неиное». За этой схемой скрывается намек на Троицу (Отец, Сын и Святой Дух), эксплицитно не обозначенную Лосевым:

В вертикальном разрезе присутствует здесь «круг» платонической традиции: все указывает на «единое» как первооснову. Ярко выражен иерархический строй бытия, типичный для Средневековья. На горизонтальном уровне формулы действует, наоборот, аристотелевское начало, характеризующее и мысль Нового времени, так как все члены суждения целенаправлены и подлежат закону линейного «нарастания смысла» (ИК), который ведет от простого отрицания через двойную негацию к их синтезу в утверждении.

Итак, анализ Лосева показал, что принцип «круга» осуществляется в содержании формулы, а начало «линии» – в логической форме, т.е. в самом ходе мысли. Лосев мог положить, что он тем самым привел наглядное доказательство для тезиса, что Кузанский соединяет в себе противоположные традиции диалектики.

³³ Лосев этим выражением намекает на то, что он понимает «имя Бога» «неиное» у Кузанского также в качестве – хотя слабого – отблеска учений о божественных энергиях, см. его изложение этой византийской традиции в статье «Исторический контекст трактата Николая Кузанского „О Неинном“».

2.4. Диалектический метод Лосева и „De non aliud“

Анализ Лосева приписывает «формуле» «неиноного» у Кузанского признаки, которыми отличается его собственный диалектический метод, изложенный им в книге «Античный космос и современная наука». Таким образом, Лосев подталкивает читателя к мысли, что Кузанец является его – хотя и относительным – предшественником. Но сравнение лосевского метода с трактатом показывает, что на самом деле русский философ только переносит свой взгляд на Кузанца. «Неиноное» кардинала – взятое в понимании Лосева – представляет собой определенную часть или конкретный этап диалектического метода самого Лосева, хотя тот об этом не пишет эксплицитно.

С точки зрения содержания исходным принципом диалектического метода для Лосева является «единое» в качестве «первоначала всякой и всяческой мысли»³⁴. Соответственно с этим, предпосылка анализа «неиноного» есть (сверхсущее) «единое», а «неиноное» является только «силой», представляющей собой «нечто единое» и «основной принцип суждения» (ИК).

Это «неиноное» – главный формальный принцип диалектики, состоящий, согласно Лосеву, в «раздельности и различии»³⁵, так как «быть же – значит, прежде всего, отличаться и иметь границу»³⁶. А чтобы отличаться, надо иметь «не-сущее» как «нечто иное», т.е. отрицать «единое». Эта негация создает «как бы эйдетический фон пустоты, на которой разворачивается жизнь эйдосов»³⁷, это их «пространство» или «меон». Следуя этому, в лосевском анализе формулы «А» становится «не А» или «единое» – «иным» (тезис). Но чтобы не утратить «А», надо отрицать эту негацию (антитезис). Отрицание и утверждение сливаются в одной формуле, представляющей собой «совпадение противоречий»³⁸ (синтез). Так истолкованная трехчленная форма соответствует «принципу появления инобытия» (ИК), под которым Лосев подразумевает «неиноное» Кузанца. Т.е., «неиноное» Кузанского (в понимании Лосева), подчиненное «единому» (сверхсущему), можно узнать в формальном принципе идеального диалектического метода Лосева.

2.5. Возражения

Несмотря на упрек в переносе собственной концепции на мысль Кузанского, толкование Лосева весьма проблематично само по себе. Здесь стоит задать русскому мыслителю, например, следующие вопросы, возникающие в рамках его же исследования:

1.) Осознав, что трехчленность формулы «неиноного» у Кузанца соотносится с Троицей, Лосев все-таки установил эту аналогию на вертикальном, смысловом уровне. Кардинал, однако, связывает три этих члена, данных на горизонтальном, формальном плане суждения, с Троицей.

2.) Кроме того, Лосев видит в формуле «нарастание смысла» (ИК), так что ее третьему члену уделяется главный вес. Но у кардинала эти три члена определяются по образу Троицы как «начало, средство и цель»³⁹, при чем они по сути равны и следуют друг за другом, образуя замкнутый в себе круг. Если Лосев был бы прав, Кузанец бы отдал предпочтение Святому Духу перед Сыном, а Сыну – перед Отцом, что явно невозможно.

3.) Лосев заменяет «не иное» буквой «А», подразумевая «единое», хотя Кузанец специально отметил, что платоновское «единое» логически следует за «не иным», потому что и само понятие «единого», т.е. само трансцендентное «единое», становится таким только при помощи «не иного».⁴⁰ Именно в этом пункте Кузанский видел свое новшество в отношении к неоплатонической традиции. Он считал «не иное» не только введением нового названия для идеи, уже представленной у Платона. Кузанский с логической последовательностью настаивает на

³⁴ Лосев, А.Ф.: «Античный космос и современная наука.» // Он же: «Бытие. Имя. Космос.» Ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханьков. М. 1993, 131.

³⁵ Лосев, «Античный космос...», 116.

³⁶ Там же 115.

³⁷ Там же 116.

³⁸ Там же 69. Виллер также трактует «не иное» как «совпадение противоположностей» (Wyller, „Henologische Perspektiven“, 507), но он одновременно подчеркивает, что «не иное» заменяет диалектический принцип тождества: „Das Prinzip der Nicht-Andersheit hat bei Cusanus – sowohl seiner Intention als auch der Realisation nach – das dialektische Prinzip der Identität ersetzt“ (Wyller, „Henologische Perspektiven“, 524), ср., напротив, Лосева: «Утверждение и отрицание надо взять как *полное и абсолютно неразличимое тождество*, а это тождество понять как некую силу, как некую потенцию, возможность, как некий смысловой заряд и смысловую направленность. Это и будет то, что Николай Кузанский называет „не-иное“» (ИК).

³⁹ „De non aliud“, Cap. 4, 10.

⁴⁰ „De non aliud“, Cap. 15, 73; см. цитату в примечании 32.

тройком повторении «не иного», чтобы образовать «самоопределяющееся определение». Последнее, Лосев обходит молчанием, тематизируя только общую форму суждения.

4.) Лосев перевел „non aliud“ в формуле как «не что иное» или «неиное» и не анализирует двойной смысл, заключающийся в этом выражении у Кузанского. Но именно амбивалентность «не иного» содержит ключ к пониманию трактата.

2.6. „non aliud est non aliud quam non aliud“⁴¹

Словосочетание „non aliud“⁴² выступает в формуле Кузанского в двойной функции: во-первых, в роли существительного «не что иное», и во-вторых, как местоимение с наречием в предикате со смыслом сравнения, указывающее на неимеющееся отличие («не есть иное чем»). Эту двойную функцию можно лучше всего выразить, переводя „non aliud“ двумя словами «не иное», которое может быть употреблено в качестве и существительного («не иное») и предиката («есть не иное»): «Не иное есть не иное, чем не иное»⁴³. В переводе Лосева „Неиное не есть иное, чем Неиное“⁴⁴ коренным образом изменяется образ латинского предложения, в котором „non aliud“, отражая Троицу, выступает три раза в *одной и той же* форме, но в *разных* синтаксических и морфологических функциях. Надо учесть равенство трех членов и воспроизвести переход от «не иного» в смысле определяющего принципа сказуемого, при помощи которого понятие только создается, в существительное. Немецкий ученый Харальд Шветцер объясняет, что „non aliud“ не есть просто понятие», передаваемое обычно существительным, «а некий чистый акт, который только создает понятия», т.е. „non aliud“ есть «сверхпонятийное» начало.⁴⁵ Перевод „non aliud“ существительным заслоняет именно эту особенность и искажает смысл текста.

Формула, кажущаяся тавтологией, показывает, что „non aliud“ не есть субстанция, а принцип сравнения и отличия, при помощи которого что-либо только становится «чем-то» конкретным. Итак, этот принцип выше и прежде всякого другого, онтологического или логического, определения. Он должен предшествовать даже трансцендентному «единому» Платона, ведь и это «единое» – понятие. В этом пункте заключается переворот, совершенный Кузанцем в традиции неоплатонизма: онтологический примат «единого», ведущий к непреодолимому дуализму, резко разграничивающему абсолют и область знания, заменяется гносеологическим приматом принципа сравнения и отличия, снимающим, со своей стороны, дуализм.⁴⁶ «Не иное» вытесняет платоновское «единое» и заступает на его место⁴⁷, а не является, как это показывает Лосев, лишь его «силой».

⁴¹ Cusanus, De li non aliud, Cap. 1, 4.

⁴² „non“ есть наречие, „aliud“ или прилагательное или местоимение в зависимости от функции в предложении; в месте подлежащего и дополнения они превращаются в словосочетание в функции существительного. Виллер объясняет, что надо отличить „aliud“ (ἄλλο) от „alterum“ (ἕτερον), первое обозначает двойство (unus / primus – alter; т.е. единое / первое – другое), второе – что-нибудь неопределенное, инаковость. О понятии „alterum“ (ἕτερον) идет речь у Платона в диалоге «Софист» (Кузанец не знал этого сочинения, Wyller, „Henologische Perspektiven“, 514), а у Кузанского – в трактате „De coniecturis“ («О предположениях»); „aliud“ (ἄλλο) трактуется в «Пармениде» Платона и «О не ином» Кузанского. См. об этом подробнее: Wyller, „Henologische Perspektiven“, 502–503.

⁴³ Немецкий перевод формулы в новом издании (из еще неопубликованных материалов к новому немецкому изданию «О не ином») звучит: „Nichts anderes ist nichts anderes als nichts anderes“; см. также Wyller, „Henologische Perspektiven“, 501.

⁴⁴ В переводе 30-х годов формула слегка изменена и более приближена к латинскому образцу: «неиное есть не иное, чем неиное.» (Перевод «О неином» Лосева // Николай Кузанский, Сочинения в двух томах, Том 2 (М. 1980), 486).

⁴⁵ „Der Ausdruck, der im Zentrum der Einführung bei Cusanus steht, ist aber keineswegs derjenige, welcher hier mit ‚Das Nicht-andere‘ übersetzt ist, sondern genau das ‚nichts anderes‘. An dieser deutschen Übersetzung wird klar, daß das ‚non aliud‘ mehr als ein Begriff ist. Die Substantivierung ‚Das Nicht-Andere‘ versucht, das ‚non aliud‘ als Begriff zu behandeln, aber dadurch wird es zu etwas anderem als dem reinen ‚nichts anderes‘ des Cusanus. Nur das ‚nichts anderes‘ enthält die begriffskonstituierende und begriffsverbindende Seite. Diese auf Überbegriffliches verweisende Seite entzieht sich auch einer ontologisierenden Beschreibung; diese hingegen möchte man, durchaus mit Cusanus, aber für den Gottesnamen gerne beanspruchen.“ (Schwaetzer, „Einführung in die Schrift und Einordnung ins Gesamtwerk“; из еще неопубликованных материалов к новому немецкому изданию «О не ином»). „Im Gegensatz zu den Elementen, die an der Subjektstelle im Satz auftreten, eignet der Formel damit ein ausschließlich prozessualer Charakter. Indem man den Blick auf ihn lenkt, macht man sich etwas bewußt, was im Normalfall nicht Gegenstand des Denkens ist: der reine Vollzug jenseits der Begriffe. Wenn man den Vollzug selbst zum Begriff macht, so büßt er seinen Vollzugscharakter ein. Insofern ist das „Non-aliud“ an der Subjektstelle immer uneigentlich oder, cusanisch gesagt, aenigmatisch in Bezug auf die Formel.“ (Schwaetzer, „Thematische Note: Non-aliud“, из еще неопубликованных материалов к новому немецкому изданию «О не ином»).

⁴⁶ „Quamvis appareat te per li non-aliud videre principium essendi et cognoscendi“ („De non aliud“, Cap. 3, 8).

«Не иное» обосновывает единство бытия и знания: без «не иного» ничего нет. Тем не менее, трансцендентность Бога при этом сохраняется, не создавая дуализма⁴⁸. Бог не становится имманентен миру, потому что Он Сам не проявляется в содержании мира. Но Он гарантирует возможность истинного познания, так как «не иное» сопровождает каждый акт восприятия и познания в качестве его, не замеченной первоосновы. «Не иное» есть то – обычно бессознательно – «со-знаваемое» сознания⁴⁹ и является тем, за которым «охотится»⁵⁰ всякий «искатель мудрости», философ, даже не зная об этом: «Это — тайна, которой нет подобия.»⁵¹

Кузанский делает эту мысль наглядной при помощи образа радуги: «не иное» подобно свету, остающемуся невидимым для глаз, но вызывающему все цвета радуги. Свет выявляется в цветах, не становясь идентичным с ними, так что все цвета – символы света, который невидимо видится в них.⁵² Применяя эту мысль к анализу формулы, можно сказать, что благодаря принципу «не иного» (свет) определяется все «иное» (цвета), но «не иное» не становится иным («не иное есть не иное»). «Не иное» присутствует в каждом акте сознания, как в цветах свет воспринимается, не будучи ими. Все «иное» (цвета) – символы «не иного» (света), т.е. указывает на свой источник. Есть источник, начало (невидимый свет), из которого выходит все (цвета), что по сути равно себе, и это все указывает на свой источник: из *единства* следует *равенство* всего, что *связано* с началом (*unitas, aequalitas, nexus*⁵³). Это выражено формулой: «Не иное есть не иное, чем не иное».

Кузанский не излагает формулу по принципу линейности и нарастания, как считает Лосев, а подчеркивает ее кругообразное построение, при чем этот круг (связь) содержит в себе и точку

---

⁴⁷ См. о подчинении «единого» «не иному»: “Nicolaus: Quamvis unum propinquum admodum ad non-aliud videatur, quando quidem omne aut unum dicatur aut aliud, ita quod unum quasi non-aliud appareat, nihilominus tamen unum, cum nihil aliud quam unum sit, aliud est ab ipso non-aliud. Igitur non-aliud est simplicius uno, cum ab ipso non-aliud habeat, quod sit unum; et non e converso. Enimvero quidam theologi unum pro non-aliud accipientes ipsum unum ante contradictionem perspexerunt, quemadmodum in Platonis Parmenide legitur atque in Areopagita Dionysio. Tamen, cum unum sit aliud a non uno, nequaquam dirigit in primum omnium principium, quod sive ab alio sive a nihilo aliud esse non potest, quod item nulli est contrarium, ut inferius videbis. / Eodem modo de ente considera; nam etsi in ipso non-aliud clare videatur elucere, cum eorum, quae sunt, aliud ab aliquo minime videatur: tamen ipsum non-aliud praecedit.” (“De non aliud”, Cap. 4, 13-14). Ср. Wyller, „Henologische Perspektiven“, 501, 571-2: „Aber die Bestimmung non aliud eröffnet uns, meint Cusanus, eine größere Einsicht in das Wesen Gottes als irgendein anderer Begriff in der Philosophiegeschichte, der platonische Begriff ‚das Eine‘ miteingeschlossen.“ „(...) daß der Begriff das Nicht-Andere (...) eine radikale Erneuerung des platonischen Einheitsdenkens besagt, insofern als das höchste Prinzip dieser Tradition, das Eine, durch die Negation seines Gegensatzes ersetzt wird.“

⁴⁸ Ср. „So deutet der abstrakte Grundbegriff non aliud des Cusaners in zwei Richtungen auf einmal. Sein Element non deutet in negative Richtung gegen den Urgrund oder Gott; sein Element aliud deutet in positive Richtung gegen den Funktionszusammenhang, der die Welt ist. Der zusammengehaltene Begriff drückt zu gleicher Zeit Transzendenz und Immanenz, maximum absolutum und maximum contractum aus“ (Wyller, „Henologische Perspektiven“, 507). „Die Nicht-Andersheit, mithin, steht, als Konstituenz, oberhalb der von ihr konstituierten Selbstigkeit von Denken und Sein“ (там же 524).

⁴⁹ „Das übersehene Moment ist auf der sprachlichen Ebene das ‚nichts anderes‘ als Gelenkstück der Definition. Geht man von der sprachlichen auf die gedankliche Ebene über, so zeigt sich das Übersehen des sprachlichen Ausdrucks „non aliud“ als Änigma dafür, daß in der Definition der Denkvollzug selbst das ist, dessen man nicht gewärtig ist – das ist des Cusanus sehr modern anmutende These. [...] läßt sich bemerken, daß ‚nichts anderes‘ in gleicher Weise die Identität eines jeden anderen Begriffs mit sich selbst garantiert. Wenn aber ‚nichts anderes‘ alle Begriffe so konstituiert, dann folgt daraus, daß alle in ihrer eigenen Weise vom ‚nichts anderes‘ her stammen.“ (Schwaetzer, „Einführung in die Schrift und Einordnung ins Gesamtwerk“; из еще неопубликованных материалов к новому немецкому изданию «О не ином»).

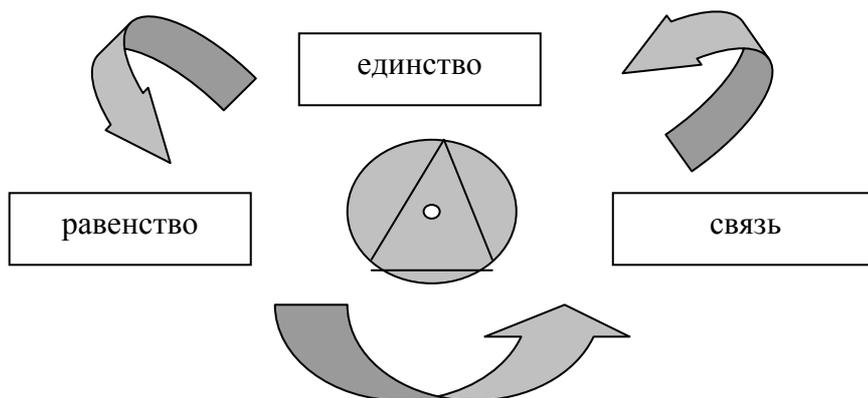
⁵⁰ «Охота» есть одна из любимых метафор философского мышления у Кузанского, см., например, в нашем трактате гл. 1,3; 18,84; 19,88.

⁵¹ „(...) quod est secretum, cuius non est simile”, “De non aliud”, Cap. 8, 115) в переводе Лосева (Николай Кузанский, Сочинения, Том 2, 243).

⁵² “Id vero, quod ante aliud videtur, non est aliud. Lux igitur illa, cum sit ipsum non-aliud et non lux nominabilis, in sensibili lucet lumine. Sed sensibilis lux visui comparata sensibili ita sese habere aliquid concipitur, sicut lux, quae non-aliud, ad omnia quae mente videri queunt. Visum autem sensibilem absque luce sensibili nihil videre experimur, et visibilem colorem non esse nisi sensibilis lucis terminationem sive definitionem, ut iris ostendit; et ita sensibilis lux principium est essendi et visibile sensibile cognoscendi. Ita quidem conicimus principium essendi esse et principium cognoscendi.” (“De non aliud”, Cap. 2, 8). “Bene nunc quidem clareque mente vides ipsum non-aliud in omni cognitione praesupponi et cognosci, neque quod cognoscitur ab ipso aliud esse, sed esse ipsum incognitum, quod in cognito cognite relucescit, sicut solis claritas sensibiliter invisibilis in iridis coloribus visibilibus visibiliter relucet varie in varia nube.” (“De non aliud”, Cap. 8, 31).

⁵³ Эту формулу, созданную Св. Августином в качестве характеристики Св. Троицы, Кузанец уже употребляет в „De docta ignorantiae“ (см. Wilpert, Einführung, S. XV).

(начало) и линию (равенство)⁵⁴. Все три образа в своей основе едины, но формально они упорядочены: единство предшествует равенству, а равенство – связи, так что в круг с точкой по середине вписан как бы еще и треугольник. Таким образом, формула «не иного» включает в себе мистические символы Бога:

2.7. «Не иное» как Логос

В формуле «не иного» второй член имеет особое значение, потому что именно он раскрывает сверхпонятийный смысл, превращающий суждение в «самоопределяющееся определение». Итак, «равенство» есть то начало познания, которое в качестве «не иного» невидимо предшествует всему (т.е. оно – единство) и одновременно проявляется во всем (т.е. оно – связь): в нем пересекаются бытие и познание. Оно соединяет абсолютную трансцендентность с ее же имманентностью.⁵⁵ Согласно этому Кузнец пишет, что Сын Божий есть «путь»⁵⁶ к Невидимому Отцу. С одной стороны, «не иное» ведет к истинному познанию мира, а с другой, когда человек обращает внимание на эту скрытую, в каждом акте сознания присутствующую способность познания и восприятия, она осознается «абсолютным понятием»⁵⁷, которое видится невидимо в каждом конкретном понятии. «Самомышление мысли» делает невидимо видимым триединого Бога. Троица как бы – обычно незамеченно – «со-видится».

Таким образом, «не иное» обеспечивает истинное познание. Единство бытия и познания обосновывается не при помощи онтологического примата «Единого», а гносеологическим принципом «не иного». Сам процесс со-знания, узнаваемый как таковой в самомыслящемся мышлении, становится мистическим видением Бога⁵⁸, точнее, его второй ипостаси, Сына Божия или Логоса, а в Нем – Отца. Само исполнение акта мышления, символом которого является

⁵⁴ Догмат „filioque“, разграничивающий Западную и Восточную Церкви, лежит в основе этой формулы. – См. о тернаре, обозначающем Троицу: „Qui vero unitatem, aequalitatem et nexum Trinitatem nuncupant, propius accederent, si termini illi sacris in litteris reperirentur inserti; sunt enim hii, in quibus non-aliud clare relucet; nam in unitate, quae indistinctionem a se dicit et ab alio distinctionem, profecto non-aliud cernitur. Ita et in aequalitate sese manifestat et nexu consideranti. Adhuc simplicius hii termini: hoc, id et idem lucidius praecisiusque non-aliud imitantur, sed minus sunt in usu. Sic itaque patet in non aliud et non aliud atque non aliud, licet minime usitatum sit, unitrinum principium clarissime revelari supra omnem tamen nostram apprehensionem atque capacitatem. Quando enim primum principium ipsum se definit per non-aliud significatum, in eo definitivo motu de non alio non aliud oritur atque de non alio et non alio exorto in non alio concluditur definitio, quae contemplans clarius, quam dici possit, intuebitur.“ („De non aliud“, Cap. 5, 19).

⁵⁵ „Ille spirituum spiritus est, cum omnis spiritus non aliud quam spiritus sit; ille spiritus non nisi in spiritu seu mente in veritate conspicitur. Solus enim ille rationalis creaturae spiritus, quae mens dicitur, veritatem potest intueri. In ipsa autem veritate videt spiritum, qui est spiritus veritatis qui quidem omnia veraciter efficit id esse, quod sunt. Et sicut ipsum videt, ita etiam ipsum adoratur, in spiritu scilicet et veritate.“ („De non aliud“, Cap. 24, 111). См. также: „... this verbal symbol [the Not Other; H.S.] express both the transcendence and the immanence of the infinite God“ (C.L.Miller, „Reading Cusanus“, 189, fn. 12).

⁵⁶ „De non aliud“, Cap. 2, 7. Слова «путь» и «истина», связанные с Новым Заветом, ссылаются на Христа, ср. также гл. 22, 102.

⁵⁷ „Verum ante conceptum non-aliud est, quando quidem conceptus non aliud quam conceptus est. Vocetur igitur ipsum non-aliud conceptus absolutus, qui videtur quidem mente, ceterum non concipitur.“ (Cap. 20, 94). См. также гл. 22, 103; 23, 104.

⁵⁸ „Wer das Denken als reines, aktuales und prozessuales Denken ängstlich erblickt, macht die Erfahrung des unsichtbaren Gottes, der eben auch wiederum in dieser Erfahrung notwendig unsichtbar bleiben muß.“ (Schwaetzer, „Einführung in die Schrift und Einordnung ins Gesamtwerk“; из еще неопубликованных материалов к новому немецкому изданию «О не ином»).

формула «не иного», есть Логос, реально присутствующий в человеке. Через Него все познается, а в Нем Самом – Тот, Кто есть источник всего, так что все оказывается Его символом. Другими словами: познание коренится в «не ином» (Логос), в котором дано бытие (Отец) и который ведет к видению невидимого в видимом (Дух).

Трактат усиленно логически построен для того, чтобы подтолкнуть читателя к самому процессу мышления и обратить его внимание на мистический аспект этого акта, в котором можно найти сам Логос, ведущий к видению Бога во всем. «О не ином» написан в качестве «руководства» к познанию Троицы („directio speculantis“)⁵⁹:

- 1.) Отца как начала и источника бытия («не иное»)
- 2.) Сына в акте «логического» познания («есть не иное»)
- 3.) Святого Духа в познании того, что все есть символ Бога («чем не иное».)

«О не ином» является «логическим» трактатом в двойном смысле: Логос одновременно есть и тема, и методика диалогов.

3. «Смерть абсолюта» или «христианская философия»?

Мозельский кардинал обосновывает при помощи формулы «не иного» монизм, характеризуемый не диалектикой, а тринитаризмом. Он стремился к преодолению платонического дуализма⁶⁰ гносеологическим способом, ведущим к новому роду мистического опыта, отличающегося от неоплатонической и ареопагитской традиций.

Как бы «чуя» эту «дикую» новизну у Кузанского, Лосев одновременно как игнорирует ее в своем изложении трактата, так и заранее полемизирует с ней. В конце своей статьи он замечает, что логика не способна доказать существование Бога, потому что бытие можно только ощущать, и утверждает, что религиозное начало должно быть совершенно независимо от логического принципа.⁶¹ Согласно с этим, «единое» является у него онтологической первопредпосылкой всего и он пытается присоединить к такой позиции и мысль Кузанца. Но Кузанец и не думал доказывать существование Бога в «О не ином», а стремился к *понятию* Бога, начиная с обоснования истинного познания. Ведь его трактат открывается вопросом: «Как возможно знание?»⁶² Само познание, однако, оказывается мистическим переживанием и видением Бога, т.е. религиозным «опытом», к которому ведет логика.

Почему же Лосев затемняет это «логизирование» кардинала, придающее философии глубоко христианский характер, и, кроме того, еще и эксплицитно отмежевывается от нее?

В своем более позднем творчестве Лосев ясно указывает на те особенности в мысли Кузанского, позволяющие считать его представителем Нового времени. Он описывает их как признаки процесса, подготавливающего отрицание божественного «Абсолюта» и «абсолютизирование» человека как творца и бога. В антропологической христологии Кузанского он почувствовал опасность обожествления человека и начало «трагедии умирания абсолюта»⁶³. Потеряв связь с космосом, человек приходит к темным сторонам Нового времени (атеизм, материализм, и т.п.).

⁵⁹ См. гл. 24, 113.

⁶⁰ Виллер называет этот род дуализма «хенологическим различием» («henologische Differenz» zwischen dem „sagbaren Sein und dem unsagbaren Einen über dem Sein“; Wyller, „Henologische Perspektiven“, 533).

⁶¹ «Но вот вопрос: есть ли это какое-нибудь доказательство бытия Божия? Я думаю, что ни Божество, ни вообще какой-нибудь действительный факт совершенно *недоказуем*. Никакого факта нельзя ни доказать, ни опровергнуть, если на это не уполномочивает реальный опыт. Нельзя доказать существование Бога, если нет у человека реального опыта, доставляющего ему то или иное религиозное знание. Равным образом нельзя и *опровергнуть* бытие Божие, если у человека имеется реальное восприятие этого предмета. Что значит доказать или опровергнуть? Это значит воспользоваться мыслью, рассудком. Но может ли рассудок, один голый рассудок разобраться в действительности, если нет живого опыта этой действительности?» (ИК).

⁶² «Abs te igitur in primis quaero: quid est quod nos apprime facit scire?» („De non aliud“, Cap. 1, 3).

⁶³ Лосев, «Николай Кузанский и антично-средневековая диалектика», 337. Ср.: «Можно сказать, что, начиная с Византии, абсолют медленно, но совершенно постоянно и неуклонно тощает и худеет, передавая свое могущество тому или иному виду самого инобытия» (там же, 336). «Значит, и человеческая личность тоже есть абсолют, единственный и неповторимый (как и сам абсолют), хотя каждый раз оригинальный и специфический, здесь у Николая Кузанского тоже виртуозное балансирование на философско-эстетическом и культурно-историческом острие. Малейший шаг вперед – и средневековый онтологический универсализм начнет безвозвратно разрушаться и превращаться в абсолютизирование не самого объективного абсолюта, но человеческой личности уже в отрыве от средневекового универсализма» (Лосев, «Эстетика возрождения». М. 1978; ²1982. 316).

Интерпретацию Лосева можно понять исходя из мысли, что только признание онтологического абсолюта, остающегося полностью недоступным для познания, т.е., выражаясь теологически, примат веры над знанием, может предохранить человека от духовной смерти. В соответствии с этим, он должен был отрицать концепцию Кузанского, стремящегося к спиритуализации самого человеческого интеллекта и соединению гносеологического индивидуализма с онтологическим универсализмом. В своем истолковании трактата «О неинном» Лосев пытается – наверное, сам не вполне осознавая это – «реплатонизировать» и таким образом подспудно поправить немецкого мыслителя, затемняя начало пути, казавшегося Лосеву опасным и ложным.

Статья напечатана в сборнике: Религиозно-нравственные трансформации европейской культуры: от Средних веков к Новому времени. Альманах / Под ред. О.Э. Душина, А.Г. Погоняйло. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008.